

12+

Игорь Гергенрёдер

Нерусский Александр Грин

Игорь Алексеевич Гергенрёдер Нерусский Александр Грин

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44588868

SelfPub; 2019

Аннотация

О Грине написано очень много, но нам не известно, чтобы кто-нибудь из гриноведов и гринолюбов обратил внимание хотя бы на это. Название рыбацкой деревни Каперна в «Алых парусах» – производное от названия города Капернаум, где проповедовал Иисус Христос. Придуманное Грином имя Ассоль вписывается в ряд древнееврейских имён, совпадая с ними окончанием: Абигаль (жена Давида), Иезавель (жена Ахава), Ассоль. Произведение «Алые паруса» соотносится с Библией.

Содержание

Глава I. Шляхтич	4
Глава II. Проклятие Пантелеевым	8
Глава III. Казаки-убийцы	12
Глава IV. Нутро рабского войска	15
Глава V. Герой – поляк!	17
Глава VI. Малинник Якобсона	21
Глава VII. Победа Петра Шильдерова	23
Глава VIII. Произведение провидца	29
Глава IX. Предшественник Воланда	31
Глава X. Создание Аспера	41
Глава XI. Присутствие библейского мира	44

Глава I. Шляхтич

В справочниках указано, что отцом писателя Александра Грина был польский шляхтич Stefan Hryniewski (1843–1914). Он двадцатилетним участвовал в восстании поляков 1863–64 гг. против господства России, и его приговорили к бессрочной ссылке в Колывань Томской губернии. Позже ему разрешили переехать в Вятскую губернию. В России его называли «Степан Евсеевич Гриневский». В 1873 году он женился на 16-летней русской медсестре Анне Степановне Лепковой (1857–1895). Будущий писатель Александр Грин, их первенец, родился 11 (23) августа 1880 в городе Слободском Вятской губернии, по отцу являясь польским шляхтичем.

Дадим немного сведений о восстании. Начавшись в январе 1863, оно весной стало охватывать всё новые районы. Во множестве появлялись повстанческие отряды с правильной военной организацией, они одержали ряд побед. Передовые люди Европы сочувствовали угнетённым полякам. С февраля – марта 1863 на помощь восставшим стали прибывать добровольцы. К декабрю более 600 человек прибыло из Италии, более 1000 – из Венгрии, от 100 до 300 человек – из Франции. Всего же общая численность людей, поддержавших восстание на всей охваченной им территории, распределялась так. В Царстве Польском в разное время были чле-

нами повстанческих отрядов и оказывали различного вида помощь восставшим от 150 000 до 400 000 человек. В Северо-Западном крае от 72 000 до 77 000 человек. В Юго-Западном крае лишь чуть более 3000 человек.

Российская власть, создав особые отделы Варшавско-Венской, Варшавско-Бромбергской и Варшавско-Петербургской железных дорог, предоставила начальникам отделов право судить захваченных с оружием в руках полевым судом и приводить в исполнение смертные приговоры. Командующий войсками в Северо-Западном крае М.Н. Муравьев прибегал к публичным казням, чем заслужил титул: Муравьев-Вешатель. Всего на территории, охваченной восстанием, с 1863 по 1865 привели в исполнение около 400 смертных приговоров. На рынке местечка Соколув-Подляски 11 (23) мая 1865 года, на глазах десяти тысяч человек, были казнены полевой командир Станислав Бжуска и его заместитель Франтишек Вильчинский.

Похожим было подавление польского восстания 1830-31 гг., о котором Лев Толстой в рассказе «За что?» написал: «Только люди, испытавшие то, что испытали поляки после раздела Польши и подчинения одной части ее власти ненавистных немцев, другой – власти еще более ненавистных москалей, могут понять тот восторг, который испытывали поляки в 30-м и 31-м году, когда после прежних несчастных попыток освобождения новая надежда освобождения казалась осуществимою».

Толстой говорит о судьбе участников восстания: «Росоловский, так же как и Мигурский, так же как и тысячи людей, наказанных ссылкой в Сибирь за то, что они хотели быть тем, чем родились, – поляками, был замешан в этом деле, наказан за это розгами и отдан в солдаты в тот же батальон, где был Мигурский».

Читаешь, как несчастных, обнажённых по пояс, тащили меж рядов солдат с розгами, которые со свистом рассекали воздух и рвали человеческую кожу, и повторяешь вопрос Толстого: «За что?» За то, что они хотели быть тем, чем родились, – поляками.

Прочитав это, нетрудно представить, что на протяжении жизни чувствовал к российской власти Stefan Hryniewski, загнанный в глушь чужбины до конца дней и вынужденный служить бухгалтером земской больницы. Понятно, о чём он говорил со своим сыном. Тот с ранних лет осознавал цели восстания, идеалы восставших и не мог не расти в неприятии места и среды, назначенных его отцу в наказание. Отец пил горькую, сын читал запоем книги о приключениях в дальних краях. В «Автобиографической повести» Александр пишет: «После убитого на Кавказе денщиками подполковника Гриневского – моего дяди по отцу – в числе прочих вещей отец мой привез три огромных ящика книг, главным образом на французском и польском языках; но было порядочно книг и на русском (русские книги на третьем месте, как бы в нагрузку – И.Г.)»

По словам Александра, поиски интересного чтения были для него «своего рода путешествием» – то есть бегством из вятской глубинки. Он по-детски бунтовал. Учителя реально-го училища, читаем, говорили:

«– Гриневский способный мальчик, память у него прекрасная, но он... озорник, сорванец, шалун».

В повести написано: «почти не проходило дня, чтобы в мою классную тетрадь не было занесено замечание: «Оставлен без обеда на один час». Отметка его поведения была всегда 3. Из-за неё он был исключён из училища на год. Грин сообщает: играть он любил больше один, «меня сверстники не любили; друзей у меня не было». По возвращении в училище он посвятил учителям, служащим ненавистного ему российского государства, стишки злее некуда, давал их читать ученикам. Один из них передал учителю листок со стишками. Ученик этот, пишет Грин, был поляк, сын пристава. Однако... Поляки, как видим, были разные, не каждый осознавал себя шляхтичем.

Александра исключили из училища навсегда.

«В гимназию меня отказались принять. Город негласно выдал мне уже волчий, неписанный паспорт. Слава обо мне росла изо дня в день».

Глава II. Проклятие Пантелеевым

Грин стремился из невыносимых для него мест на юг, пытался стать моряком в Одессе, потом отправился в Баку, искал прибежища и в иных краях, но он с его независимой душой польского шляхтича не вживался в российскую действительность. Стал солдатом в Пензе в 213 Оровайском резервном батальоне. Владимир Сандлер, исследователь творчества Грина, обращался к документам, которыми располагал. В «Послужном списке» солдата записано:

«1902 год. Март, 18-го: зачислен в батальон рядовым. Июль, 8-го: исключен из списков батальона бежавшим. Июль, 17-го: зачислен в списки батальона из бегов. Июль, 28-го: предан суду. Ноябрь, 28-го: исключен из списков батальона бежавшим».

Остались показания ефрейтора, которому показали фотографию Грина:

«В предъявляемой мне фотографической карточке я признаю Александра Степанова Гриневского, бывшего со мной в одном взводе; который в 1902 году служил в первой роте и в первом взводе рядовым около года и затем бежал из батальона приблизительно в последних числах октября или же в первых числах ноября месяца и после того разыскан не был. За время служения в батальоне Александр Гриневский вел себя скверно и совершил несколько серьезных выходов, из

которых помню одну: когда нашу роту повели в баню, Гриневский разделся... повесил на полку свои кальсоны и объявил, что это знамя Оровайского батальона. Гриневский всегда ослушивался начальства и был за это часто подвергаем дисциплинарным взысканиям».

Вывесить напоказ свои кальсоны и объявить, что это знамя батальона. Можно ли более открыто и издевательски выразить презрение к русской армии?

Грин вступил в организацию социалистов-революционеров (эсеров), и понятно – почему. Видные руководители польского восстания 1863-64 гг. Ярослав Домбровский, Сигизмунд Сераковский, Зыгмунт Падлевский, Станислав Бобровский и Валерий Врублевский были связаны с русскими революционерами «Земли и воли». Дабы отвлечь русские карательные войска от Польши, предпринималась попытка поднять восстание в Поволжье. По плану, поднятое в Казанской губернии восстание должно было охватить Нижнее Поволжье, Урал, Дон, а затем соединиться с польским восстанием. По доносу провокатора заговор раскрыли. Тридцать одного подпольщика предали военному суду: пятерых расстреляли, остальных отправили на каторгу.

Эсеры являлись наследниками «Земли и воли», они были самыми дерзкими борцами с самодержавием, совершали покушения на его приспешников. По всему вышесказанному, они не могли не привлечь Грина, имевшего свои счёты шляхтича к русской власти.

Обратимся к наследию писателя: А.С. Грин. Собрание сочинений в шести томах. Библиотека «Огонек», издательство «ПРАВДА», Москва, 1965. В первом томе в Примечаниях Владимира Сандлера сказано, что дебютом Грина стал рассказ «Заслуга рядового Пантелеева», написанный летом 1906 и осенью изданный за подписью А.С.Г. «в качестве агитброшюры для солдат-карателей. Весь тираж был конфискован в типографии и сожжен полицией. Автор до самой смерти считал свое первое произведение погибшим, однако в 1960 году один экземпляр брошюры был найден в материалах «Отдела вещественных доказательств Московской жандармерии за 1906 г.» (ЦГАОР).

В рассказе описывается подавление крестьянских волнений во время Первой русской революции. Дело происходило в западных губерниях, поскольку поместье, куда прибыл батальон, названо «графской экономией». Крестьяне, впрочем, говорят по-русски. Их стали бить прикладами, колоть штыками, и автор указал:

«— Братцы, родимые, бью-у-ут! – раздался не то крик, не то вой среди баб».

Автор пишет, что рядовой Василий Пантелеев, «разгоряченный и возбужденный, чувствовал прилив решимости и отваги. Сейчас он готов был резать, стрелять, колоть».

Вскоре и дошло до стрельбы:

«Треск залпа потряс воздух... Повалились убитые и раненые, судорожно хватая руками землю... Остальные в безум-

ном ужасе бежали вдоль улицы... Стоны, полные безумного ужаса, огласили воздух. Все металось, бежало... Трупы лежали неподвижно, и алые лужи крови подтекали под них...»

Затем произошло то, что доставило Василию Пантелееву унтер-офицерские нашивки и денежную награду. Офицер крикнул ему:

«— Рубль на водку – подстрели вот этого мерзавца, что прогуливается! Вон того, видишь? Ну, живей!

Василий прицелился и выстрелил. Пуля ударила человеку в спину. Парень как-то нелепо взмахнул руками и, схватившись за голову, бросился бежать, но через 5–6 шагов упал и так остался лежать».

Можно ли сомневаться, что автор представляет не только 1906 год, но и то, как подавлялось польское восстание 1863-64 гг.? Рассказ – проклятие Пантелеевым, подкрепляемое строками:

«А ночью село пылало, охваченное огнем. Громадные языки пламени лизали крестьянские крыши, и черный дым высоко летел к небу. Тушить пожар было запрещено. Сонные и хмельные солдаты стояли возле каждой избы, и пламя кровавым блеском играло на их штыках».

Рассказ – откровенный, острый акт борьбы с российским государством. Таким оказался первый шаг Грина в литературе.

Глава III. Казаки-убийцы

Действия русских карателей в Прибалтике воссоздаёт рассказ Грина «Случай», напечатанный в газете «Товарищ» от 25 марта (7 апреля) 1907 года. Под этим рассказом, сообщает в Примечаниях Владимир Сандлер, впервые появляется подпись «А.С. Грин».

Осенней ночью законопослушный крестьянин Отто Бальсен запряг свою лошадь: его жена Анна при смерти, и он надеется привезти к ней доктора. Причиной своего горя Бальсен считает волнения в крае, говоря младшему брату: «Гибнут все хорошие люди!..», сокрушаясь: «Где кузнец Пельт? Где Аренс, учитель? Где Мансинг, аптекарь? Один убит... А других что ждет? А что они сделали? Будь Мансинг здесь, Анна, быть может, была бы здорова...»

Крестьянин в отчаянии: «Что стало с краем? Еще такой год, и мы будем нищие! Мы, Бальсены!..» Истекший год оставил «тяжелые воспоминания. Деревня обезлюдела: кто разорился, кто исчез, неизвестно куда. Нескончаемые военные постой, реквизиции, вечный страх перед кулаком и плетью... Обыски, доносы... Жизнь сделалась адом».

Бальсен вышел из дома, тихо притворив дверь. Он проехал в повозке утонувший во тьме лес, вынул старинные серебряные часы, зажёл спичку. Стрелки показывали 12. Ещё часа полтора езды до города, и к пяти утра он, пожалуй,

успеет вернуться домой. Вдруг крестьянин услышал, что навстречу кто-то едет. Он прислушался и, опасаясь, что это могут быть грабители, которых много развелось в последнее время, свернул с дороги на рыхлое кочковатое жнивье.

Топот приближался, «повозку быстро окружили темные силуэты людей, сидящих верхом, с винтовками за плечами. Их было много, и Бальсену стало ясно, что это один из казачьих разъездов, бродивших вокруг Вендена».

Казак спросил:

«— Куда путь держишь, дружище?

— В город, — неохотно ответил Бальсен, нетерпеливо пожимая плечами. — И очень тороплюсь.

— А чего же ты торопишься? — спросил другой казак и захохотал громким, резким смехом. — Дюже же ты торопишься, засева у середь поля!»

Казак «подъехал к офицеру и начал что-то говорить ему, оглядываясь на крестьянина.

— Ты думаешь? — спросил офицер, зевая.

— Так точно. Стоить у середь поля...

— Куда едешь? — сердито крикнул офицер.

— В город, господин начальник, — ответил Бальсен, снимая шапку. — За доктором. У меня очень больна жена...

— Откуда?

— Из Келя... Меня зовут Бальсен, Отто Бальсен...

— А есть у тебя паспорт?

— Паспорт я забыл дома, господин начальник, — сказал От-

то. – Но вы уж, пожалуйста, пропустите меня. Меня здесь знают кругом на сто верст. Я мирный человек».

Офицер приказал обыскать его, при свете фонарика рассматривал рецепт, тщательно осмотрел часы и бумажник. «Наконец офицер сказал что-то сквозь зубы, передавая вещи Бальсена казаку, и крупной рысью скрылся в темноте». За ним уехали казаки, кроме четверых.

Затем следует сцена расстрела. Бальсена связали, он отчаянно вскрикнул.

«– Не прыгай, до города далеко, – апатично сказал казак, сидевший верхом. – Что толку? Все равно, брат, помирать когда-нибудь...»

Примечательны ещё строки:

«– Не копайся, Данило, – сказал верховой. – Вы, черти!.. Чего томить человека?!

Темные фигурки отошли на несколько шагов и остановились. Бальсен видел, как сверкнули длинные красные огоньки».

Глава IV. Нутро рабского войска

О том, что делается в самой армии, Грин поведал в рассказе «Тихие будни». Солдат Соткин вызвал ненависть фельдфебеля тем, что чистил ему сапоги хоть и не морщась, но не со «сладострастием угодливости». Придирки следовали за придирками, травля ужесточалась, и пришло время, когда фельдфебель отвёл солдата в кусты и остановился.

«— Учили нас, бывало, вот так, – сказал он, деловито и не торопясь ударяя изо всей силы Соткина по лицу; он сделал это не кулаком, а ладонью, чтобы не оставить следов. Голова Соткина мотнулась из стороны в сторону. Оглушенный, он инстинктивно закрылся рукой. Фельдфебель, круто повернув солдата за плечи, ткнул его кулаком в шею, засмеялся и спокойно ушел».

Соткин знал истории солдат, которых затравили до каторги; «это происходило в такой последовательности: светлый и темный карцер, карцер по суду, дисциплинарный батальон, кандалы». Ему «трудно было ожидать перемены ветра», и он бежал.

В рассказе «История одного убийства» Грин дал детальное описание издевательств, каким ефрейтор по фамилии Цапля подвергал рядового Банникова, услужливого смиренного человека. В конце концов тот оказался доведён до предела и, находясь на посту, воспользовался тем, что мучитель, за-

игравшись, подполз к часовому в темноте. Банников пронзил ему голову штыком.

Вещь была напечатана в 1910 году в книге «Рассказы», том 1, СПб., изд. «Земля». Рассказ «Тихие будни» вышел: журнал «Современник», N 10, 1913. Мы привели эти произведения для того, чтобы не оставалось сомнений в том, как Грин относился к русской армии, из которой бежал, подобно своему герою Соткину.

В 1907 году в журнале «Трудовой путь», N 5, был опубликован рассказ Грина «Марат» об индивидуальном терроре.

Глава V. Герой – поляк!

Персонаж, от чьего имени ведётся рассказ, и его спутник – «товарищ мой, приговоренный к смерти», – видя за собой слежку, делают вид, что прогуливаются, и им удаётся обмануть филёров. Рассказчик передал товарищу бомбу, которую тому предстоит бросить в некое высокопоставленное лицо. Товарищ говорит, что совершенно спокоен и уверен в успехе: «Ваш гостинец я немедленно отнесу к себе, а вы идите домой и позовите, пожалуйста, Евгению с братом. Пусть нас будет только четверо... Мне хочется покататься на лодке и посмотреть на их хорошие, дружеские лица... Так мне будет легче... Хорошо?»

Он влюблён в Евгению, догадывается читатель; она и её брат Кирилл – тоже революционеры, но не сторонники террора. Они не знают о предстоящем покушении. А идущий на него не может не высказаться, когда четверо катаются в лодке. Девушка сказала о пропаганде, а он «снисходительно улыбнулся углами губ.

– Слыхали. А знаете ли вы, что главное в революции? Ненависть! И если ее нет, то... и ничего нет. Если б каждый мог ненавидеть!.. Сама земля затрепетала бы от страха».

Брат девушки Кирилл захохотал и напомнил, что произнёсшего это «так и звали: «Маленький Марат». Ему всё крови! Больше крови! Много крови... Кр-рови, Яго!.. Тигра лю-

тая!»

Рассказчик сообщает, что лицо того, о ком это сказано, осталось совершенно равнодушным. «Но через мгновение он живо повернулся всем корпусом и воскликнул с такой страстью, что даже я невольно насторожился, почуяв новые струны в этом хорошо мне знакомом сердце.

– Да! пусть ужас вперит в них слепые, белые глаза!.. Я жестокость отрицаю... Но истребить, уничтожить врагов – необходимо! С корнем, навсегда вырвать их! Вспомните уроки истории... Совсем, до одного, навсегда, без остатка, без претендентов! Чтобы ни одна капля враждебной крови не стучала в жилах народа. Вот что – революция! А не печатанье бумажек. Чтобы ни один уличный фонарь не остался без украшения!..»

Это возгласы – из сердца, из глубины души самого Грина. Это та ненависть, которая клокотала в нём, подростке, и выплеснулась в презлые стихи об учителях, а позже привела его к эсерам с их индивидуальным террором.

На читателя воздействуют переживания рассказчика, ждущего покушения, совершить которое ушёл его товарищ. «Ожидание победы боролось где-то далеко внутри, в тайниках сознания с тяжестью больной, бьющей тоски». Победа – удавшееся покушение, но она почти наверняка означает гибель покушавшегося. Оттого тоска «росла и крепла, и тяжёлые, кровавые волны стучали в сердце, тесня дыхание».

Симпатии автора отданы террористу – он вошёл в комнату

рассказчика и «остановился в дверях, измученный и слабый, торжественно смотря мне прямо в глаза. Одежда его была в порядке, и это обстоятельство не казалось мне странным и удивительным. Он *сделал*, и не только несмотря на это, а вопреки этому – уцелел. Все остальное было пустяки. Раз совершилось чудо, – одежда имела право остаться чистенькой. Я держал его за руки выше локтей и изо всей силы тряс их, захлебываясь словами. Они кипели в горле, теснясь и отталкивая друг друга».

Обратим внимание ещё на одну деталь: «Первое, что я увидел, – это его улыбку, сокрушенную и мягкую».

Рассказчик думал, что покушение удалось, но услышал:

«– Сегодня ничего не было. Значит, придется завтра...»

Почему же? Почему?

«Он зажмурился, крепко стиснул зубы и тихо, отдельно роняя слова, ответил:

– Он был не один... Там сидела женщина и еще кто-то...

Не то мальчик, не то девочка... Длинные локоны и большие капризные глазки...»

Террорист не бросил бомбу в карету, вопреки своим страстно высказанным накануне словам о том, что необходимо истребить, уничтожить врагов – всех до одного, без остатка, без претендентов, чтобы ни одна капля враждебной крови не стучала в жилах народа.

Приговорённый к смерти, идущий на смерть революционер не убил врага, ибо не желал отнять жизнь у его жены и

ребёнка. Для террориста – это высшая форма благородства. Марат благороден!

Но, может быть, он сдрейфил, прикрывшись причиной, что враг был в карете не один? Но нет. Рассказчик сообщает:

«Когда на следующий день вылетели сотни оконных стекол и город зашумел, как пчелиный улей, я догадался, что на этот раз – *он* был один...»

Революционера зовут Ян. Это традиционное польское имя. Ненависть поляка не просто к самодержавию, а к тирании, топчущей его нацию, такая, какой не может быть у русских Кирилла и Евгении. Кирилл в лодке поёт русскую народную песню «Меж высоких хлебов затерялось», которой стало стихотворение Некрасова «Похороны», а о Яне говорит, хотя больше в шутку, – «тигра лютая». Но тот окажется прекрасен своим благородством. Поляки прославились их гордостью, а гордый не бросит бомбу в карету, в которой едут женщина и ребёнок. Грин знал, кого воспеть.

Глава VI. Малинник Якобсона

Показав русских солдат, офицеров, казаков, Грин представляет русского человека из самых низов. В 1910 году в N 73 журнала «Всемирная панорама» увидел свет рассказ «Малинник Якобсона». Русский голодный бродяга Геннадий с завистью смотрит на жизнь чистого уютного эстонского городка, где оказался, просит хлеба у сидящего перед своим домом старика-эстонца. Его портрет нарисован с симпатией: «Лицо, изъеденное ветром и жизнью, пестрело множеством крепких, добродушных морщин».

Геннадию дают хлеба, съев который, он видит позади дома за забором малиновый сад. Уже описание забора передаёт прелесть этого уголка. Низ щелей меж досками «скрывался в репейнике и крапиве, середина зеленела изнутри, и изнутри же верхние концы щелей пылали нежным румянцем, словно там, в огороженном небольшом пространстве, светилось вечерней зарей свое, маленькое, домашнее, пятивершковое солнце».

Это «домашнее солнце» – символ творения, которое зажёт неустанным трудом и заботой его создатель. Деталь прекрасная. Впечатляюще дана реакция чужака:

«Угрюмое любопытство бездельника, которого раздражает всякий пустяк, подтолкнуло Геннадия». Любовно ухоженный уголок благополучия будит у бродяги злобу, он пере-

лезает через забор. «Оборванный, исхудавший, трясущийся от ненависти и страха, он напоминал крысу, облитую светом фонаря во тьме погреб», – пишет Грин. Обратим внимание, что персонаж – бездельник и подобен крысе.

Геннадий бросается уничтожить сад: «через две-три минуты малинник напоминал вороха разбросанной, гигантской соломы». Бродяга хочет убежать, но перед ним Якобсон: «Горло старика клокотало и всхлипывало, как у человека с падучей, он хотел что-то сказать, но не смог и бешено обернулся к искалеченным кустам сада. Тогда Геннадий увидел, что рыжие вихры Якобсона тускнеют. На голову старика садилась таинственная, белая пыль: он быстро седел».

Старик поседел, глядя на своё уничтоженное творение, – малинник, чьё изобилие сочных ягод только что пронизывало солнце.

Нам рассказали, как крестьян западной губернии убивали русские солдаты, мы прочитали, как мирного прибалтийского крестьянина расстреляли казаки. Теперь мы видим – малинник эстонца уничтожил русский бродяга. Грин последователен.

Глава VII. Победа Петра Шильдерова

Грин считал, что русский, чтобы вызвать восхищение, должен перестать быть русским. Пётр Шильдеров – так назвал писатель героя рассказа «Далекий путь», впервые напечатанного под названием «Горные пастухи в Андах» в литературном приложении к журналу «Нива» в 1913 году. Фамилия образована от немецкого слова Шильдер / Schilder (вывески). Этого человека встретил в горах Южной Америки, в Андах, русский путешественник, от имени которого ведётся рассказ. Пётр Шильдеров не обрадовался соотечественнику, поначалу сказав:

«– Я – здешний и не понимаю вас».

Но рассказчику всё-таки удалось «разговорить» его, тот поведал свою историю. Сообщив, что его звали (не зовут, а звали) Пётр Шильдеров, он сказал: «Город, в котором я жил с семьей, был страшен и тих. Он состоял из длинного ряда домов мертвенной, унылой наружности – казенных учреждений».

Человек служил столоначальником в Казённой Палате, то есть был обеспечен. Он добавляет штрихи к характеристике города, говоря о жилых домах: «Деревянные дома, выкрашенные в серую и желтую краску, напоминали бараки ума-

лишенных. Осенью мы тонули в грязи, зимой – в сугробах, летом – в пыли».

Кто окружал героя рассказа? «Общество, доступное мне, состояло из людей-моллюсков, косных, косноязычных, серых и трусливых мужчин».

В уста Петра Шильдерова Грин вкладывает слова:

«Разнообразие земных форм вместо глухой русской равнины казалось мне издавна законным достоянием всякого, желающего видеть так, а не иначе. Я не люблю свинцовых болот, хвойных лесов, снега, рек в плоских, как иззубренные линейки берегах; не люблю серого простора, скрывающего под беспредельностью своей скудость и скуку».

То, чего не любит герой, очень похоже на места, где находился в бессрочной ссылке отец Грина и где родился и рос писатель. Напоминают они и край, куда сослали его самого. Через созданный им образ он выражает собственные чувства.

Герой рассказывает, как подействовала на него картинка «Горные пастухи в Андах», и объясняет: «Невыразимая тоска овладела мной, как будто чудесной силой был вырван я и брошен из этих мест, полных красоты, величия и свободы, в рабство и нищету». Вести жизнь чиновника значило для него жить в рабстве и в нищете общения, в духовной нищете. И он оказался в плену своего желания быть там, куда потянуло его всей душой, где он «нашел вторую, настоящую родину».

Грин выделяет названием «Разрыв» главку, посвящённую

тому, как Пётр Шильдеров вырвался из России. Тёплым июльским вечером он сидел у ворот своего дома на лавочке, напротив возвышалось здание исправительного заведения, из его решетчатых окон пахло кислой капустой и кашей. Жители улицы, которая зовётся Косой улицей, сидели на лавочках и «грызли в идиллическом настроении семечки». Арестанты в здании напротив запели «Отче наш». «Торжественные звуки молитвенного пения создавали в тишине вечера настроение благодати и покоя».

Когда пение окончилось и раздались зычные выкрики надзирателей, нервный трепет овладел героем, он увидел, что «свободен, ничем не связан и волен распоряжаться собой». Он пошёл из дома, зная, что уже не возвратится. Через границу, по его словам, он перебрался удачно, хотя и слышал, как свистят выпущенные из винтовок пули.

Он помнит долгие дни голода, ночлеги в трущобах и под открытым небом, томительные пешие переходы в знойные дни, полицейские участки, случайную работу на виноградниках. «Все это мне мило и радостно», – говорит он. Ему открылась славная даль морей, довелось услышать, как звенит летний прибой, гудит мистраль. Он побыл матросом, вместе с неграми в сырых лесах добывал каучук; заболев лихорадкой, «умирал, но не умер». И, наконец, оказался в Андах среди людей, которые были охотниками, пастухами, их костюмы «состояли из полосатых шерстяных одеял, перекинутых через плечо», «сорочек из бумажной ткани, широких поясов

и брюк, обшитых во всю длину бахромчатыми лампасами из перьев или конского волоса». У некоторых висели на бедре в кобурах револьверы, у других – старинные пистолеты. И сам герой, сообщает рассказчик, «был в пестрой грубой одежде, вооружен короткоствольным штуцером».

Свою историю он закончил словами:

«Простите, дорогой – не соотечественник, дорогой иностранец, – прошло десять лет».

Эта фраза подчёркивает разрыв героя с русскими, они для него иностранцы. Грин ещё более усиливает данность словами рассказчика: «мой удивительный собеседник, «русский», – или как было его назвать теперь?» смотрел на знакомую девушку из местных.

Она назвала его Диас. Теперь и рассказчик называет бывшего Петра Шильдерова этим именем. Он задаёт ему обдуманый вопрос:

«– Как вы чувствуете себя в этой стране?

– Очень хорошо и приятно».

Его история, говорит Грин словами рассказчика – «глубоко-человеческая повесть об одной из немногих побед, побед блестящих и бескорыстных». Победа – то, что он перестал быть русским, став «здешним» в Андах. Рассказчик говорит: «Диас есть Диас. Никакими усилиями воображения не мог я представить его русским, но, может быть, и не был он им, принадлежа от рождения к загадочной орлиной расе, чья родина – в них самих, способных на все».

Победа Диаса бескорыстна, ибо он – не искатель золота. Он сделался нерусским ради трудной, полной риска жизни среди скал и ущелий – жизни бедняка, но бедняка свободного. Грин произносит устами рассказчика:

«Я обдумывал рассказ Диаса. Он ушел, оставив мне тихое волнение радости». Произведение завершается восхитительными словами о том, что люди, подобные Диасу, – безумцы, возлюбившие пустыню, проникающие в неисследованные места, «дети труда, кладущие основание городам в чаще лесов. Их кости рассеяны за полярным кругом и в знойных песках черного материка, и в дикой глубине океана». Остановить их может только смерть. «Своей смертью, – написано в рассказе, – они умножают везде жизнь и трепет борьбы».

Сопоставим это со словами: «Разнообразие земных форм вместо глухой русской равнины казалось мне издавна законным достоянием всякого, желающего видеть так, а не иначе».

Добавив к этому описание города, откуда ушёл Пётр Шильдеров (который, может быть, и не был русским, как и сам Грин), мы видим выраженное напрямую, без обиняков, отношение к России. Дав образом своего героя, порвавшего с ней, пример, Грин словно показал на фасаде своего творчества её и его Шильдер / Schilder – вывески. Здесь объяснение, почему писатель творчески вырывался из России, создавая свой нерусский мир. Будучи русским, быть тем, кто умножает везде жизнь и трепет борьбы, по Грину, невозможно. Он настойчиво заостряет внимание читателя на том, что

Пётр Шильдеров стал нерусским Диасом.

Глава VIII. Произведение провидца

Поразителен своей глубиной и образным иносказанием напечатанный в журнале «Россия», N 3 (12), 1924, рассказ «Крысолов», относящийся к советскому времени. Замученному несчастьями герою рассказа, благодаря встрече с девушкой, которая, как и он, продаёт из нужды книги, и помощи Крысолова, открывается суть положения, грозившего ему гибелью. Крысолов говорит ему: «Вы были окружены крысами» (не их ли сородич уничтожил малинник?).

Герой был окружён крысами в Петрограде весны 1920-го, на третьем году Советской власти.

Рассказ оказался провидческим. В нём крысиная цитадель – банк, – и разве не с банков началось открытое обогащение, господство крыс во времени, наставшем после того, как Ленсовет сменило Санкт-Петербургское Городское (Законодательное) собрание? Крысы «собираются под знаком таинственных превращений, действуя как люди, и ты будешь говорить с ними, не зная, кто это».

Крысы правят бал по всей стране: «Они крадут и продают с пользой, удивительной для честного труженика, и обманывают блеском своих одежд и мягкостью речи. Они убивают и жгут, мошенничают и подстерегают; окружаясь роскошью, едят и пьют довольно и имеют все в изобилии».

Грин был чужеродным явлением в Советской России, ко-

торую он заклеил, рассказом «Крысолов» показав крыс Петрограда, – «колыбели революции». Отметим, что Крысолов, его житель, – нерусский. Он – О. Иенсен, имя его дочери – Сузи.

Россия, русские Грина не вдохновляют. Прочитайте весь шеститомник писателя – ни одного сильного интересного русского характера вы не найдёте.

Глава IX.

Предшественник Воланда

Есть у Грина ещё один рассказ, написанный о советском времени, – «Фанданго». Повествование ведётся от имени общающего о себе: «я знаю испанский язык, как русский, хотя никогда не был в Испании». Потом мы узнаем, что его зовут Александр Каур. Будет также упомянуто, что его дед по матери родом из Толедо.

В начале рассказа показан Петроград января 1921 года. «Под белым небом мерз стиснутый город. Воздух был неприятно, голо прозрачен, как в холодной больнице. На серых домах окна были ослеплены инеем. Мороз придал всему воображаемый смысл: заколоченные магазины с сугробами на ступенях подъездов, с разбитыми зеркальными стеклами; гробовое молчание парадных дверей, развалившиеся киоски, трактиры с выломанными полами, без окон и крыш».

Жители борются за топливо, как за бесценную добычу: изнемогающие женщины и подростки тащат заледеневшие брёвна, оборванные люди продают связки щепок «для тех, кто мог позволить себе крайне осторожную роскошь: держать, зажигая одну за другой, щепки под дном чайника или кастрюли, пока не закипит в них вода».

Возница, идя рядом с нагруженной дровами подводой,

стегают кнутом детей, таскающих на ходу поленья. В одном из дворов люди выламывают из каменного флигеля деревянные части. В другом месте описаны развалины с холмами из щебня, с множеством грязных следов, с валяющимися тряпками, замёрзшими нечистотами.

А было время, когда Александр Каур, приходя в ресторан, «сидел, слушая «Осенние скрипки», «Пожалей ты меня, дорогая», «Чего тебе надо? Ничего не надо» и тому подобную бездарно-истеричную чепуху, которой русский обычно попирает свое веселье».

Определив то, что обычно слушает русский, рассказчик сообщает, что давал дирижёру оркестра, румыну, купюру, и тот говорил оркестру:

– Фанданго!

«При этом энергичном, коротком слове на мою голову ложилась нежная рука в латной перчатке, – рука танца, стремительного, как ветер, звучного, как град, и мелодического, как глубокий контральто».

Грин противопоставляет «бездарно-истеричной чепухе» мелодию, о которой пишет: «Фанданго» – ритмическое внушение страсти, страстного и странного торжества. Вероятнее всего, что он – транскрипция соловьиной трели, возведенной в высшую степень музыкальной отчетливости».

Читатель некоторым образом подготовлен к тому, что он увидит в «Доме учёных», куда направляется герой в надежде получить право на продуктовый паёк. У ворот в группе

людей выделялся «высокий человек в черном берете с страусовым белым пером, с шейной золотой цепью поверх бархатного черного плаща, подбитого горностаем». Рассказчику показалось, что «за острой, блестящей фигурой этой, покачиваясь, остановились закрытые носилки с перьями и бахромой. Три смуглых рослых молодца в плащах, закинутых через плечо по нижнюю губу, молча следили, как из ворот выходят профессора, таща за спиной мешки с хлебом. Эти три человека составляли как бы свиту».

Александр Каур слышит:

«— Это тот самый дом, сеньор профессор! Мы прибыли!

— Отлично, сеньор кабалерро! Я иду в главную канцелярию, а вы, сеньор Эвтерп, и вы, сеньор Арумито, приготовьте подарки».

Разговор «произошел на чистом кастильском наречии», и герой решил, что прибыла делегация из Испании.

Он вошёл во двор с кладовыми, где тем, кто получил на это право, выдавали порции продуктов на неделю. Старик, которому дали несколько лещей, и он поместил разорванный мешок с ними на салазки, обнаружил, что забыл дома бумагу, без которой не дадут сахарного пайка, заспешил за ней, таща санки, и от резкого движения из дыры выпал в снег лещ. Рассказчик поднял его, закричал старику, что он потерял рыбу, но тот уже скрылся в воротах.

Некоторое время спустя в Доме учёных имела место весьма важная сцена. Александр Каур «увидел Афанасия Терпу-

гова, давно знакомого» ему «повара из ресторана «Мадрид», они разговорились, герой спросил, какое место повар нашёл себе место. Тот ответил: «— Впрочем, вы этого дела еще не знаете. Одно вам скажу, — приходите завтра в «Мадрид». Я снял ресторан и открываю его. Кухня — мое почтение! Ну, да вы знаете, вы мои расстегаи, подвыпивши, на память с собой брали, помните? И говорили: «К стенке приколочу, в рамку вставлю». Хе-хе! Бывало! Вот еще польские колдуны с маслом...»

Случайно ли названо последнее — как знак сытого досуга, изобилия? Польские колдуны с маслом... Это любимое блюдо Грина? Читаем далее:

«— Однако, Терпугов, — сказал я, поперхнувшись от изумления, — вы рассуждаете, что говорите?! Что, вам одному, противу всех правил, разрешат такое дело, как «Мадрид»? Это в двадцать-то первом году?»

Январь 1921 — время военного коммунизма, когда было строжайше запрещено частное предпринимательство, мы только что прочитали, что стало с магазинами, с киосками, с трактирами. Растерянно удивлённый герой слышит:

«— Там как вы хотите, а приходите. Ко всему тому отдайте-ка мне леща, а я вымочу, вычищу — да обработаю под кашу и хрен со сметаной, уж будете вы довольны! Я думаю, что у вас и дров нет».

Рассказчик, считая, что повар говорит чепуху, всё же отдал ему рыбу и услышал: «Так не забудьте, завтра в «Мадри-

де» в восемь часов открытие!»

Простившись с поваром, герой слышит разговор об увиденном давеча сеньоре профессоре:

«— Этот испанский профессор – странный человек. Говорят, большой оригинал и с ужаснейшими причудами: ездит по городу на носилках, как в средние века!»

Зовут странного испанца: профессор Мигуэль-Анна-Мария-Педре-Эстебан-Алонзе-Бам-Гран. Рассказчик будет называть его кратко: Бам-Гран (обратим внимание: Гран – это почти Грин). Оказывается, он со своей свитой привёз не из Испании, а с острова Куба дары людям, получающим пайки в Доме учёных: врачам, инженерам, адвокатам, профессорам, журналистам и «множеству женщин». Называются тысячи килограммов кофе и шоколада, маиса, количество вагонов сахара, бочек оливкового масла, апельсинового варенья, хереса. Александр Каур замечает о глазах Бам-Грана: «Его черно-зеленые глаза с острым стальным зрачком направились на меня взглядом, напоминающим хладнокровно засученную руку, погрузив которую в мешок до самого дна, неумолимо нащупывает там человек искомый предмет».

Ощущение сверхъестественного становится всё сильнее. Мы узнаём, что продукты были уже взвешены и погружены в кладовые, а перед столом лежали тюки, которые заключали вещи, и Александр Каур перевёл сказанное Бам-Граном, что с разрешения пайковой комиссии, он «будет иметь честь немедленно показать собранию все, что есть в тюках».

Читаем: «руки испанцев, с уверенностью кошачьих лап, взвились из-под плащей, сверкнув узкими ножами; повернув тюки, они рассекли веревки, затем быстро вспороли кожу и холст».

Запомним – «с уверенностью кошачьих лап».

«Еще три тюка распались под движениями острых ножей. Появились куски замечательного цветного шелка, узорная кисея, белые панамские шляпы, сукно и фланель, чулки, перчатки, кружева и много других материй, видя цвет и блеск которых, я мог только догадаться, что они лучшего качества. Разрезая тюк, испанцы брали кусок или образец, развертывали его и опускали к ногам. Шелестя, одна за другой лились из смуглых рук ткани, и скоро образовалась гора, как в магазине, когда приказчики выбрасывают на прилавок все новые и новые образцы».

А теперь сравним: «в них зрители в веселом ошеломлении увидели разных цветов и фасонов парижские женские платья. Это в одних витринах, а в других появились сотни дамских шляп, и с перышками, и без перышек, и с пряжками, и без них, сотни же туфель – черных, белых, желтых, кожаных, атласных, замшевых, и с ремешками, и с камушками». Это из «Мастера и Маргариты» Михаила Булгакова, из главы «Черная магия и ее разоблачение».

Читая «Фанданго» Александра Грина и знаменитый роман Михаила Булгакова, видишь, что Воланд и его свита выросли из Бам-Грана с его свитой. «Фанданго» был напеча-

тан в альманахе «Война золотом. Альманах приключений», М., 1927. Михаил Булгаков начал работу над «Мастером и Маргаритой» в тридцатые годы. Он взял у Грина идею визита сверхъестественной силы в советскую действительность.

Смысл посещения Бам-Граном Петрограда в январе 1921 и Воландом – Москвы тридцатых годов совершенно разный. Говорящий по-испански профессор и его помощники привезли бедствующим жителям Петрограда прекрасное покрывало, на котором были вышиты латинскими литерами имена двенадцати девушек. Герой рассказа прочитал публике написанное на бумаге, приложенной к покрывалу:

«Далекие сестры! Мы, двенадцать девушек-испанок, обнимаем вас издалека и крепко прижимаем к своему сердцу! Нами вышито покрывало, которое пусть будет повешено вами на своей холодной стене. Вы на него смотрите, вспоминая нашу страну...»

Сказано, что, когда Александр Каур кончил переводить, «некоторое время стояла полная тишина». Рассказчик повторяет: «Далекие сестры...» Была в этих словах, читаем, грациозная чистота смуглых девичьих пальцев, прокалывающих иглой шёлк ради неизвестных им северянок, чтобы в снежной стране усталые глаза улыбнулись фантастической и пылкой вышивке. Юг кивнул Северу. «Он дотянулся своей жаркой рукой до отмороженных пальцев». Эта рука, пахнущая розой и ванильным стручком, – лёгкая рука нервного создания, носящего двенадцать имен, «внесла в повесть о

картофеле и холодных квартирах наивный рисунок, подобный тому, что делает на полях своих книг Сетон Томпсон: арабеск из лепестков и лучей».

Интересно, как воспринимает дары гражданин, назвавшийся статистиком Ершовым. Грин оставляет нам вопрос – а не согласны ли с Ершовым другие? Тот кричит, покрываясь красными пятнами: «– Я в истерике, я вопию и скандалю, потому что дошел! Вскипел! Покрывало! На кой мне черт покрывало, да и существует ли оно в действительности?!»

Бам-Гран спрашивает, что кабаллеро Ершов имеет против него.

«– Что я имею? – вскричал Ершов. – А вот что: я прихожу домой в шесть часов вечера. Я ломаю шкаф, чтобы немного согреть свою конуру. Я пеку в буржуйке картошку, мою посуду и стираю белье! Прислуги у меня нет. Жена умерла. Дети заиндевели от грязи. Они ревут. Масла мало, мяса нет, – вой! А вы мне говорите, что я должен получить раковину из океана и глазеть на испанские вышивки! Я в океан ваш плюю! Я из розы папироску сверну! Я вашим шелком законопачу оконные рамы! Я гитару продам, сапоги куплю. Я вас, заморские птицы, на вертел посажу и, не ошипав, испеку!»

Ершов стал топтать ногами, и Бам-Гран вздохнул, качая головой.

«– Безумный! – сказал он. – Безумный! Так будет тебе то, чем взорвано твое сердце: дрова и картофель, масло и мясо, белье и жена, но более – ничего! Дело сделано. Оскорбление

нанесено, и мы уходим, уходим, кабаллеро Ершов в страну, где вы не будете никогда!»

Затем он обратился к герою рассказа: «Вы же, сеньор Каур, в любой день, когда пожелаете, явитесь ко мне, и я заплачу вам за ваш труд переводчика всем, что вы пожелаете!»

После ряда приключений наступил финал огромного значения. Герой оказался в дне: 23-е мая 1923 года. Это уже нэп. Открыты магазины, киоски, кафе и рестораны. Александр Каур помнит приглашение Афанасия Терпугова. «Я достиг «Мадрида» почти бегом». Терпугов обрадован:

«— Вот и вы, – сказал он. – Присядьте, сейчас подадут. Ваня! Ихнего леща! Поди, спроси у Нефедина, готов ли?»

Официант принёс кушанье, открыл бутылку мадеры. На тарелке шипел поджаренный лещ.

Произведение, начатое звучащей в сознании героя мелодией фанданго в ледяном Петрограде, заканчивается в Петрограде майском, в ресторане под названием «Мадрид», обедом с мадерой. Ресторан, где в досоветское время наслаждался Александр Каур, названный именем жаркой испанской столицы, возродился при нэпе.

В 1927 году, когда был опубликован рассказ, ещё не знали, что нэп вскоре будет отменён. Для Грина он – избавление от военного коммунизма, при котором появляется говорящий на «кастильском наречии» маг-профессор Бам-Гран, посланец лучезарного Юга с кофе и шоколадом, с маисом, с оливковым маслом и апельсиновым вареньем, а также с ги-

тарами и мандолинами, с роскошным шёлковым полотном, на котором кубинские девушки, неустанно трудясь, вышили пожелание счастья.

По Грину, помощь пришла извне. Испанцы в рассказе вызывают симпатию, русские – нет.

Сказав о нэпе как о возрождении танца фанданго в Советской России, Грин более не упоминал о ней. Гордый, как истый поляк, он попросту игнорировал её, уйдя в созданный им, живущий при капитализме, нерусский мир.

Глава X. Создание Аспера

Надо сказать то, что до сего дня не сказано о рассказе Грина «Создание Аспера», опубликованном в журнале «Огонёк», № 25, 1917. Для героя этого произведения жизнь и собственная смерть – искусство. Он создаёт образы, добиваясь, чтобы массовое сознание воспринимало их как реальных живых людей. В очаровании тайны читаешь о «Даме под вуалью», которая появлялась в приёмных прокурора, министра юстиции, военного министра, инспектора полиции, обещая сделать сенсационные разоблачения. Дама каждый раз скрывалась, не дожидаясь приёма. О ней возникали шокирующие предположения, в ней олицетворялись подкуп, разврат, интрига, происки партий, трусость и предательство. Утверждали, что она – «морганатическая супруга принца В».

И вот итог ажиотажа публики: остановились на том, что она не кто иная, как «Марианна Чен – символ всего темного, что есть в каждом запутанном и грозном для множества людей деле», – поведал создатель таинственной дамы.

А второе его создание – поэт-самородок Теклин? «В редакциях стал появляться застенчивый деревенский гигант, предлагая приличные для необразованного человека стихи; на него обратили внимание, а через год он писал уже значительно лучше». Мы проникаемся жизнью этого человека, узнавая его вкусы, следуя за его переездами из края в край.

Третье творение создателя – «идеализированный разбойник» по имени Аспер. Он «романтик, гроза купцов, друг бедняков и платоническая любовь дам, ищущих героизм везде, где трещат выстрелы». В рассказе высказано любопытное замечание: «Как это ни странно, но, ожесточенно борясь с преступностью, общество вознесло над жуликами своеобразный ореол, давая одной рукой то, что отнимало другой.

Потребность необычайного, – может быть, самая сильная после сна, голода и любви».

Игра в Аспера тянулась шесть лет, создатель достиг того, что в окрестностях стали петь «много песен, сложенных молодежью в честь Аспера». Но в конце концов он должен окончить своё поприще – окончить так, чтобы его смерть была признана реальной смертью реального героя. Его создатель готов умереть ради этого и умирает. Надо углубиться в смысл сказанных им перед этим слов:

«У меня особое отношение к жизни; я считаю ее искусством: искусство требует жертв; к тому же смерть подобного рода привлекает меня. Умерев, я сольюсь с Аспером, зная, не в пример прочим неуверенным в значительности своих произведений авторам, что Аспер будет жить долго и послужит материалом другим творцам, создателям легенд о великодушных разбойниках.

Теперь прощайте. И помолитесь за меня тому, кто может простить».

Слова перекликаются со сказанным в начале рассказа:

«высшее назначение человека – творчество. Творчество, которому я посвятил жизнь, требует при жизни творца железной тайны. Имя художника не может быть никому известно; более того, люди не должны подозревать, что явления, удивляющие их, не что иное, как произведение искусства».

Это манифест Александра Грина. Истинный творец должен быть готов не только умереть ради жизни своих творений, но и не надеяться на посмертную славу – имя его останется неизвестным.

Если мир, который мы посетили, есть пишущееся Высшим Творцом произведение, в котором рождаются, развиваются и отходят в прошлое цивилизации, страны с их историей, а также жизни личностей, то рассказ «Создание Аспера» – маленькая точная модель этого, открытая гением Александра Грина. Смерть создателя, названного судьёй Гаккером, не напоминает ли смерть на кресте?

Глава XI. Присутствие библейского мира

«Алые паруса» Грина впервые вышли отдельной книгой в изд-ве «Л.Д. Френкель», М-Пг., 1923. Глава «Грэй» была опубликована немного раньше – в газете «Вечерний телеграф», № 1 от 8 мая 1922 года. Место действия, деревню рыбаков у моря, писатель назвал Каперна – от названия города Капернаум, где, когда тот был рыбацким посёлком, проповедовал Иисус Христос. Жителям Каперны будет явлено чудо любви – предсказанное, но вызывавшее лишь насмешки прибытие корабля под алыми парусами.

Для своей героини Грин придумал имя Ассоль, которое вписывается в ряд с древнееврейскими именами, совпадая с ними окончанием: Абигаль (жена Давида), Иезавель (жена Ахава), Ассоль.

Её будущий возлюбленный Грэй – англичанин, прямая противоположность эгоиста Дориана Грея, героя романа Оскара Уайльда. В погребке старинного замка, который унаследует Грэй, хранятся бочки вина, которые в 1793 году привёз его предок из Лиссабона, и оружейный мастер Вениамин Эльян сделал на обручах надпись: «меня выпьет Грэй, когда будет в раю». Прадедущка героя Симеон Грэй решил «согласить загадочное изречение с действительностью путем

невинного остроумия». Он построил дачу, назвал её «Рай» и хотел выпить в ней заветное вино, но «умер, как только начали сбивать обручи, от разрыва сердца».

Мальчик Грэй услышал от поведавшего всё это слуги: «Этого вина никто не пил, не пробовал и не будет пробовать.

– Я выпью его, – сказал однажды Грэй, топнув ногой».

На насмешливый вопрос, выпьет ли он это вино в раю, мальчик ответил:

«– Конечно! Вот рай!.. Он у меня, видишь? – Грэй тихо засмеялся, раскрыв свою маленькую руку. Нежная, но твердых очертаний ладонь озарилась солнцем, и мальчик сжал пальцы в кулак. – Вот он, здесь!..»

Грин, таким образом, показал, что его герой – владелец рая. Он неосознанно объявил, что принимает непосланную свыше заповедь. Далее добавлено, что на восьмом году жизни в герое стал намечаться «тип рыцаря причудливых впечатлений, искателя и чудотворца, т. е. человека, взявшего из бесчисленного разнообразия ролей жизни самую опасную и трогательную – роль провидения».

Провидения! Связь с библейским миром продолжает доказывать следующий эпизод. Мальчик приставил к стене стул, достал картину, изображавшую распятие, «вынул гвозди из окровавленных рук Христа, т. е. попросту замазал их голубой краской, похищенной у маляра. В таком виде он находил картину более сносной. Увлеченный своеобразным занятием, он начал уже замазывать и ноги распятого, но был

застигнут отцом. Старик снял мальчика со стула за уши и спросил:

– Зачем ты испортил картину?

– Я не испортил.

– Это работа знаменитого художника.

– Мне все равно, – сказал Грэй. – Я не могу допустить, чтобы при мне торчали из рук гвозди и текла кровь. Я этого не хочу».

Мы увидели главное в характере маленького героя. Ему, такому, суждено прожить тяжкую жизнь юнги, стать капитаном трёхмачтового галиота под названием «Секрет» и сыграть роль Провидения – свершить чудо любви, увезти в свой рай затравленных окружающими девушку и её отца. Своим произведением Грин заявляет, что это – величайшее из деяний. На «палубе у грот-мачты, возле бочонка, изъеденного червем, с сбитым дном, открывшим столетнюю темную благодать, ждал уже весь экипаж. Атвуд стоял; Пантен чинно сидел, сияя, как новорожденный. Грэй поднялся вверх, дал знак оркестру и, сняв фуражку, первый зачерпнул граненым стаканом, в песне золотых труб, святое вино».

Святым вином – кровью Христа – причащаются во время мессы. Большинство читателей России не увидело и не видит этой чёрточки, как и других названных знаков в произведении, но, мы уверены, что его непреходящую популярность вызвал дышащий в нём библейский мир. «Алые паруса» положили начало несравненному по зрелищности празднику,

о котором знают все: в Санкт-Петербурге ежегодно в ночь с 23 на 24 июня десятки тысяч выпускников школ заполняют набережные Невы, по которой плывёт корабль под алыми парусами. Фейерверк символизирует надежды молодых на будущее. Какое ещё художественное произведение породило подобное? Притом, что «Алые паруса» никак не связаны с Россией. Но ведь когда-то и Христос не имел к тому, что позднее назвали Россией, никакого отношения.

О Грине написали очень много, но никто не упомянул, что «Алые паруса» – произведение, которое соотносится с Библией. Грина называют рыцарем мечты, прекрасным романтиком, но никто не ответил на вопрос, почему его романтика – неизменно нерусская. Потому что Грин не любил Россию – ни царскую, ни советскую, не любил всё русское. Надо всего лишь прочитать произведения, которые мы рассмотрели, и убедиться.

Нам скажут: если так, то отчего же он не эмигрировал, как Бунин, Шмелёв, Ремезов и другие? Потому что те писали о России, какой та была до смуты и по которой томились ностальгией эмигранты. Грину писать о ней претило, а нерусский его мир эмигрантам был без надобности. Именно живущих в России он манил и манит своим дыханием, запахами, вкусом, колоритом, каких вокруг нет.

Берлин, 6 сентября 2019

© Игорь Гергенрёдер